

начала восьмидесятых годов, провел детальные измерения церкви и окружающих зданий и пришел к выводу, что в плане постоянно повторяются одни и те же темы. (Этот план составил, возможно, не сам Соньер, но Анри Буде, или архитектор, которого он пригласил, или даже руководство той группы, с которой был связан Соньер.) В поддержку нашего предположения о зеркальном отображении Фера указал, что балка времен вестготов (на которую ранее опирался алтарь) имеет вырезанный крест, который Соньер установил верхом вниз вне церкви. Он также показал значение числа двадцать два: помимо количества ступеней башни и оранжереи, это число постоянно повторяется в *domaine*.

Две надписи в церкви, которые привлекают наибольшее внимание, — *Terribilis est locus iste* над портиком и *Par ce signe tu le vaincras* над чашей со святой водой — состоят из двадцати двух букв каждая. Обычно латинская фраза пишется как *Terribilis est hic locus* — это изменение, а также лишнее *le* во французской фразе, видимо, введены для того, чтобы во фразах было по двадцать две буквы. Причина для использования чисел одиннадцать и двадцать два весьма существенная: и то и другое является «Главными числами» в оккультизме. Они особо важны и в каббалистических теориях. Здесь же имеется любопытный неортодоксальный узор из четырех объектов, два располагаются внутри и два — вне церкви: исповедальня, которая находится прямо перед алтарем; сам алтарь; статуя Нотр Дам де Лурд (с надписью: «Раскаяние! Раскаяние!»), установленная снаружи на перевернутой балке вестготов, и «Распятие» в маленьком саду, созданном трудами самого Соньера.

Эти четыре объекта не только образуют совершенный квадрат, но и несут в себе символическое послание. Исповедальня и надпись «Раскаяние» говорят о *покаянии*, и они направлены лицевой стороной, соответственно, к алтарю и Распятию, символизируя *спасение*. Таким образом, каждая пара, видимо, символизирует духовное путешествие, путь или посвящение от покаяния к прощению и затем к спасению<sup>9</sup>. Все это столь тщательно исполнено, что какое-то послание *должно* быть. Не пытался ли Соньер сказать, что прощение и спасение можно найти и вне церкви? А нет ли здесь еще чего-нибудь, намекающего на нечто, связанное с фигурами, которые символизируют *покаяние* и *раскаяние* — с Иоанном Крестителем и Марией Магдалиной?

Фраза «Раскаяние! Раскаяние!» предположительно была сказана Марией Магдалиной, когда она явилась как видение в Ла Валетт. Из двух девушек, которым было явление, одна была пастушкой по имени Мелани Кальвет, родственницей Эммы Кальве. (Эмма изменила написание своего имени после того, как стала оперной певицей.) Некоторое время явление в Ла Валетт могло затмить такое же явление в Лурде, но католическая церковь решила, что это была фальсификация. Однако явление в Ла Валетт широко пропагандировало движение иоаннитов/Нондорфа/Вин-тры. Соньер тоже одобрительно писал об этом явлении<sup>10</sup>.

Знаменитое убранство церкви само по себе вряд ли служит указателем местонахождения сокровищ. Соньер нашел что-то, но вряд ли стал бы украшать свою церковь кодированным указанием места, где оно было. Более вероятно, что убранство должно *скрыть* что-то или по меньшей мере сделать заявление, которое будет понято только другим посвященным. Лучшая аналогия — и в этих обстоятельствах наиболее подходящая — это убранство комнаты масонской ложи. Для непосвященного различные символы, использованные в таком храме, круги, квадраты и другая символика непонятны, не могут быть *расшифрованы* и никогда не сложатся в цельную картину того, о чем масоны хотят сказать. Надо знать философию учения, историю и секреты, чтобы понять, для чего все это сделано.

Многие замечают в убранстве церкви символы различных оккультных и тайных обществ — розенкрейцеров, тамплиеров и франкмасонов. Роза и крест на возвышении явно